

Морские промыслы на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в конце XIX – начале XX века

Алексей Кузнецов

Для стран Азиатско-тихоокеанского региона морские промыслы всегда являлись одним из важнейших видов хозяйственно-экономической деятельности. Однако в российской историографии их ведение на Дальнем Востоке рассматривается преимущественно в контексте проникновения иностранного капитала и развития предпринимательства. В начале XX в. в России о них писали не историки, а публицисты и люди, связанные с регионом по своей службе¹. В исследованиях, появившихся в 1920–1930-е гг., освещалась эксплуатация морских богатств в российских территориальных водах после подписания Портсмутского мирного договора и русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., открывших перед японскими рыбопромышленниками большие возможности².

В дальнейшем советские историки на основе архивных данных и материалов российской прессы показали динамику и отдельные аспекты торгово-экономических отношений России и Японии³. Так, рыбопромышленной экспансии японцев большое внимание уделил Н.Г. Егоров, отмечавший, что ей благоприятствовала экономическая политика, проводившаяся на Дальнем Востоке центральными и местными властями Российской империи⁴. С 1990-х гг. японское рыболовство подробно и разносторонне анализировались на основе россий-

© 2013 г. А.П. Кузнецов

¹ Слюнин Н. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1896; Августович Ф.М. Заметки об острове Сахалине. СПб., 1880; Шмидт П.Ю. Морские промыслы о. Сахалина. СПб., 1905; Справочная книга по рыбопромышленности Дальнего Востока. Николаевск-на-Амуре, 1914; Живописная Россия. Отечество наше в его земельном и экономическом и бытовом значении. Т. 12. Ч. II. СПб., 1883; Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М., 1897; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1899. СПб., 1902; он же. Приамурский край. 1906–1910. Очерк. СПб., 1912.

² Окроков А.М. Япония. Торговля, промышленность, земледелие и экономическое положение. Т. 1. Токио, 1923; Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923; Кадзевич Г. Рыбные промыслы СССР. М., 1928; Брауде В. Советско-японские экономические взаимоотношения // Новый Восток. Кн. 22. М., 1928; Ворончанин И. Япония и СССР в конвенционных водах (экономические очерки). М.; Хабаровск, 1931.

³ Сенченко Н.А. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956.

⁴ Егоров Н.Г. Рыбная промышленность Дальнего Востока России в эпоху империализма. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990; он же. Эксплуатация японским рыбопромышленным капиталом морских ресурсов Дальнего Востока России // Экспансия Японии на Дальнем Востоке (конец XIX – первая треть XX в.). Владивосток, 1989. С. 65–80; он же. Историография отечественной рыбной промышленности Дальнего Востока России в эпоху капитализма // Вопросы истории Дальнего Востока России в отечественной и зарубежной историографии: сборник научных трудов. Владивосток, 1992. С. 98–102. Своеобразный итог изучения данной темы в советское время подведён в обобщающей монографии: Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Москва, 1988.

ских, а также японских публикаций и архивных документов в работах А.Т. Мандрика, А.В. Алепо и др.⁵.

В зарубежной печати в XIX – начале XX в. экономическими отношениями на Дальнем Востоке интересовались в основном английские и американские авторы (прежде всего такие коммерческие представители и государственные служащие, как А. Палмер, П. Коллинз, Д. Кеннан, А. Хэйберхэм, А. Старбук, У. Тауэер и др.)⁶. Англия и США имели там существенные экономические интересы, связанные с морскими промыслами, прибрежной торговлей, разработкой природных ископаемых и т.д. Наиболее основательно обстоятельства проникновения иностранных предпринимателей на российский Дальний Восток были изучены американским учёным Дж. Стефаном, подробно описавшим историю японского рыболовства в сахалинских водах и неудачные попытки освоения южной части острова, предпринятые правительством Японии в 1860–1873 гг.⁷

В японских изданиях второй половины XIX в. в условиях нарастания националистических тенденций обосновывалась идея проникновения в восточную Азию, включая и территории, принадлежавшие Российской империи (о. Сахалин и п-ов Камчатка). При этом экономическая экспансия рассматривалась в тесной связи с военно-политическими устремлениями Японии и её амбициями как великой державы. Данный подход нашёл отражение в работах Хираока Дзитаро, Утида Рёхэй и Миякэ Сэцурэй⁸. В работах японских авторов второй половины XX в. прослеживается стремление оправдать хозяйственную деятельность на российском Дальнем Востоке на основании «закономерности» исторически сложившихся интересов Японии в Азиатском регионе. Так, по мнению Х. Акаги, Т. Такэути и К. Мориносукэ, в ответ на действия России в Маньчжурии правительство Японии вынуждено было принять контрмеры и обеспечить «законные» права японских рыбопромышленников в российских тихоокеанских водах⁹.

⁵ Мандрик А.Т. Русско-японские рыболовные отношения в середине XIX в. – 1917 г. Владивосток, 1994; Трёхсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003; он же. Экономическое развитие Южного Сахалина и японское рыболовство. 1875–1905 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 1. С. 90–103; Алепо А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII – 1917 г.). Хабаровск, 2001. Некоторые аспекты русско-японских экономических отношений затронуты в работах: Кузнецов С.И. Русско-японское соперничество в Северо-Восточном Китае после русско-японской войны 1905 г. // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Сборник научных трудов. Иркутск, 2007; Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999; Совастеев В.В. История стран Северо-Восточной Азии (вторая половина XIX–XX вв.). Владивосток, 2001; он же. Проблемы буржуазной революции Мэйдзи в японской историографии. Владивосток, 1984; Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.

⁶ Пальмер А. Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. 10 января 1848 г. СПб., 1906; *Habercham A.* The North Pacific surveying expedition. Philadelphia, 1857; *Collins P.M.* Voyage down the Amur. N.Y., 1860; *Kennan G.* Tent life in Siberia. L., 1871; *Starbuck A.* History of the American Whale Fishery. Vol. 1. Washington, 1878; *Tower W.S.* History of American Whale Fishery. Philadelphia, 1907.

⁷ *Stephan J.* Sachalin. A history. Oxford, 1971.

⁸ См.: Сэцурэй М. Нихон кокумин-но хинкаку (Достоинство японского народа) // Кокумин-но томо. Токио, 1898. (на яп. яз.); Цутихара Кадзусэи. Уёку сэngoку дзидай (Эпоха воинствующих правых). Токио, 1982. С. 251. (на яп. яз.).

⁹ *Akagi H.* Japans Foreign Relations. 1542–1936. A short history. Tokio, 1968; *Kazima M.* The Emergence of Japan as Word Power. 1895–1922. Tokio, 1968.

В целом морские промыслы имеют большое значение в российско-японских отношениях и требуют повышенного внимания и власти, и исследователей. В конце XIX – начале XX в. они являлись одной из ключевых составляющих торгово-экономических связей двух стран. Контакты между ними налаживались довольно плохо, нося случайный, непостоянный характер не только в первые годы, но и спустя много лет после заключения первого договора. Японские порты были переполнены судами разных государств, иностранные торговцы охватили своей деятельностью все острова архипелага, а русские товары на рынке Японии практически отсутствовали. Истребление наземных животных населением японских островов и слабое развитие скотоводства поставили рыбные промыслы на второе по значимости место после земледелия, которое, в свою очередь, также остро нуждалось в продуктах рыболовства. Площади под основные земледельческие культуры (рис и промышленная культура – рапс) в Японии, ввиду островного положения и изрезанного ландшафта, крайне ограничены. Поэтому урожаи в значительной степени зависели от искусственного удобрения полей, для которого японцы использовали рыбный тук, получавшийся в процессе переработки морской рыбы, главным образом, сельди¹⁰.

Истощение запасов рыбы вблизи морского побережья Японии заставляло рыбаков отправляться к берегам соседних островов. В конце XVIII – начале XIX в. некоторые их группы начали сезонные промыслы в водах Южного Сахалина, Кунашира и Итурупа. Однако, несмотря на географическую близость данных территорий, экономическое проникновение японцев в эти районы в значительной степени сдерживалось их более суровыми климатическими условиями, а также политикой самоизоляции, проводившейся правительством Японии.

Первый договор России с Японией, подписанный в 1855 г. в г. Симода, оставил остров Сахалин неразделённым, что означало – открытым для хозяйственной деятельности обеих стран. Российское правительство проявляло к острову заметный интерес. Так, в записке, представленной генерал-адмиралу вел. кн. Константину Николаевичу контр-адмиралом И.Ф. Лихачёвым, говорилось не только об устройстве русских владений в Приморской области, но и о значении для развития морских сил бухты Анива, Хакодате и о. Цусима¹¹. В 1860-е гг. продолжался сбор сведений о положении дел на Сахалине¹². К началу 1870-х гг. Россия увеличила там число своих военных постов и поселенцев.

Японское правительство (бакуфу) тоже предпринимало меры по освоению Сахалина. 23 декабря 1861 г. в журнале особого Комитета по рассмотрению вопроса об острове Сахалин выражалось желание установить границу по 50° северной широты¹³. 28 августа (9 сентября) 1869 г. управляющий российским консульством в Хакодате писал командиру клипера «Всадник» о действиях, предпринятых японским правительством для заселения южной части Сахалина, и мерах российских властей, направленных на упрочение положения на

¹⁰ Для получения тука рыбу варили на берегу в больших чанах, отбирая при этом рыбий жир. Остальная переваренная масса сушилась, прессовалась и в этом виде доставлялась на рынок.

¹¹ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2385, л. 1–6. См. также: История Японии в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (XVIII – начало XX в.). СПб.; Токио, 2011. С. 78.

¹² РГА ВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 48, л. 12–13, 30–32; ф. 410, оп. 2, д. 2784, л. 14–33; История Японии в документах... С. 79, 81, 90.

¹³ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2532, л. 4 об.–б.; История Японии в документах... С. 87.

острове¹⁴. В октябре того же года командир клипера «Всадник» сообщал генерал-адмиралу о доставке на Сахалин до 500 японских переселенцев, включая женщин и детей, и о прибытии на остров японского должностного лица¹⁵. А уже в марте 1870 г. в его рапорте, направленном в Петербург, говорилось об отводе рыболовных участков князьям, преимущественно владеющим судами европейской конструкции, и приводились списки участков и их владельцев¹⁶. Однако попытки японцев закрепиться на Сахалине не увенчались успехом. Характерно, что служащему бакуфу Мацукава Бэнносукэ пришлось продать своё предприятие из-за отсутствия постоянного японского населения, трудностей найма рабочих на Хоккайдо и, конечно, суровых условий промысла.

Япония, потратив на колонизацию Сахалина 0.4 млн иен, вынуждена была отказаться от её продолжения и пойти на заключение договора с Россией об обмене Курильских островов на Сахалин¹⁷. Договор был подписан в Петербурге в 1875 г. канцлером кн. А.М. Горчаковым и вице-адмиралом Эномотто Такэаки. В соответствии с ним японские предприниматели получали право рыбной ловли, торговли и мореплавания вдоль побережья Сахалина, Охотского моря и Камчатки на тех же основаниях, что и российские. Эти и другие преференции стали «платой» за отказ японской стороны от притязаний на Сахалин. Вместе с тем они существенно осложняли экономическую деятельность российских подданных, которые теряли Японию как рынок сбыта. По оценке А. Малоземова, договор 1875 г. совершенно устранял возможности русского экспорта в Японию¹⁸.

До 1881 г. никакого надзора за промыслом японцев в российских водах не было. Японские рыбопромышленники осуществляли беспощадный лов, добыв в этот период в сахалинских водах 9 714.2 т рыбы. Только в 1880 г. генерал-губернатором Восточной Сибири были утверждены правила рыбной ловли, согласно которым с 1881 г. за неё следовало платить установленный налог¹⁹. Сумма пошлин была несоизмерима со стоимостью выловленной рыбы, однако, по данным А.Т. Мандрика, в 1881–1882 гг. японские рыбаки не доплатили в российскую казну 60 тыс. руб., а в 1883 г. внесли в счёт пошлины только 550 руб.²⁰

Несмотря на принадлежность Сахалина России японцы вели себя там как хозяева, внушая коренным жителям острова – айнам, что они японские подданные. Зачастую они спаивали туземцев, перегораживали сетями сахалинские речки, тем самым обрекая аборигенов на голод. Вследствие этого сахалинские айны и орочи были вынуждены наниматься к японским рыбопромышленникам для выполнения тяжёлых работ. За сезонную работу с апреля до октября они получали от японцев товары на мизерную сумму от 3.5 до 4.5 иен. В 1879 г., чтобы привлечь к себе туземцев, японский предприниматель Никамбуро от-

¹⁴ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3063, л. 105–106 об.

¹⁵ Там же, л. 132 об.–133; История Японии в документах... С. 93.

¹⁶ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3063, л. 181–182; История Японии в документах... С. 94–95.

¹⁷ АВПРИ, ф. Санкт-Петербургского Главного архива, I-1, 1871 г., л. 181, л. 45.

¹⁸ *Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. Berkeley; Los Angeles, 1958. P. 8.*

¹⁹ Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 года. Владивосток, 1922. С. 216.

²⁰ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994. С. 154.

крыл в с. Маука завод для приготовления рисовой водки²¹. При этом японцы запрещали аборигенам отдавать своих детей в русские школы, без всякого разрешения рубили сахалинский лес, заготавливали дрова и брёвна, возводили постройки. Нередко прибывавшие на Сахалин из Японии не имели документов, принадлежа к бродягам и уголовным элементам²².

В 1883 г. императорский кабинет Японии, желая усилить своё влияние на острове, обратился к российскому правительству с предложением отдать в аренду японским подданным на 10 лет, начиная с 1884 г., рыбные ловли на восточном берегу Сахалина за ежегодную плату в 3 тыс. долларов. Однако этот проект был отклонён под предлогом его несоответствия интересам местного населения²³.

С 1885 г. японцы, промышлявшие у побережья России, были обложены 5-копеечной пошлиной с каждого пуда выловленной рыбы. Тем не менее их улов только увеличивался и в 1886–1890 гг. составил 15 479,6 т. Успеху японской рыбопромышленной экспансии во многом способствовала экономическая политика русских властей, сводившая контроль за эксплуатацией рыбных богатств края к налогообложению иностранных предпринимателей. Специального органа рыболовного надзора и рыбоохранных судов на русском Дальнем Востоке не было вплоть до начала XX в.²⁴

В 1896 г. собственное предприятие в Приморской области открыл принявший русское подданство шотландец Г.Ф. Демби (George Philips Denbigh), ещё с 1870-х гг. занимавшийся промыслом на Сахалине (в с. Маука). В 1879 г. у него произошёл конфликт с японскими рыбозаготовителями, которые, невзирая на заявления Демби, самовольно сожгли его промысловые постройки и склады. Все попытки Демби найти рабочих из числа айнов закончились тогда неудачей, хотя он предлагал им двойную цену. Ему не удалось нанять туземцев, опасавшихся расправы со стороны самураев, даже для заготовки дров для своего дома, и он был вынужден покупать их у японцев²⁵. В 1896 г. фирма «Демби и К°» получила в аренду для ведения рыбных промыслов 21 участок земли на западном побережье Сахалина общей площадью 33 десятины. Британское происхождение помогало Демби осуществлять сбыт продуктов на японских рынках, где российским предпринимателям оптовая торговля была законодательно запрещена. Важную роль в становлении его предприятия сыграла английская торговая фирма «Howell et C°», осуществлявшая свои операции в Японии. Её директора первоначально субсидировали Демби и в то же время диктовали ему цены на рыбные продукты, рабочую силу и фрахт судов. При посредстве английских покровителей Демби открыл собственный офис в Хакодате и начал солидную промысловую деятельность на Сахалине. Женившись в Хакодате на дочери японца Моритака Яка, он быстро установил через него деловые контакты с японскими рыбопромышленниками и при их содействии привозил из Японии на свои промыслы квалифицированных специалистов и рабочих, что

²¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ), ф. 1, оп. 1, д. 694, л. 7–10.

²² Там же.

²³ АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 2047, л. 24–25.

²⁴ Григорьевич С.С. Экспансия иностранного капитала на русский Дальний Восток во второй половине XIX в. // Учёные записки. Томский государственный педагогический институт. Т. 13. Томск, 1955. С. 285.

²⁵ РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 694, л. 7–10.

обходилось ему значительно дешевле и оборачивалось большими прибылями, тогда как его российские конкуренты вынуждены были пользоваться неквалифицированным трудом айнов и ссыльнокаторжных поселенцев²⁶. За короткий срок «Демби и К°» превратилась в одно из крупнейших предприятий на японском рынке морепродуктов. Его компания продавала 40% всего тука, получаемого на Сахалине. Для расчёта со своими покупателями Демби первоначально устанавливал низкие цены. Привезённый с Сахалина тук хранился на складах фирмы в Хакодате и выпускался на рынок партиями. Так, в 1902 г. первая партия тука продавалась по 1–1.1 тыс. иен за 100 коку (японская мера объёма, 1 коку – 180.39 л), вторая уже за 1 480 иен и т.д.²⁷

Чиновник МВД Н.А. Гребницкий, находившийся в 1902 г. в командировке на Южном Сахалине, писал, что фирма Демби «крепко опутала всё как осьминог»: «Фирма чувствует под собой твёрдую почву и поддержку наших властей и ни в какие соглашения с японскими предпринимателями не вступает. Являясь крупным заказчиком рыболовных снастей, рабочих, фрахтов судов, фирма оказывает давление на весь рынок торгующих этими предметами». Часть сахалинских участков в этот период была изъята у японцев в пользу «Демби и К°». По свидетельству Гребницкого, все русские предприниматели на Сахалине вели свои дела при помощи «Демби и К°», скупавшей продукты их промыслов и отвозившей их для продажи в Японию (при этом только за перевозку рыбных грузов он платил японским судовладельцам 70 тыс. руб. в год). Если среднегодовая добыча сельди японцами достигала на Сахалине 2 млн пудов, то фирма Демби добывала 1.2 млн пудов²⁸.

Демби также субсидировал российских рыбопромышленников, как правило, не имевших необходимых средств. С его помощью начали промысловые дела Х. Бирич, Г.А. Крамаренко и др. Не имея капитала, Крамаренко, получивший от российского правительства в 1899 г. право открыть предприятие на Сахалине, в октябре 1901 г. заключил в Хакодате договор с сыном Г. Демби – Альфеем (Альфредом). Согласно договору, компаньоны вносили в дело по 20 тыс. иен (долю Крамаренко фактически вносил А. Демби, выдав ему беспроцентную ссуду), ведение промысловых операций на Сахалине возлагалось на Крамаренко, а наём рабочих в Японии, закупка снастей и материалов и продажа рыбных продуктов – на А. Демби. Кроме того, А. Демби обязывался в случае необходимости предоставить Крамаренко кредит на личные надобности в 10 тыс. иен под 10% годовых²⁹.

Значение сахалинских промыслов для Японии возрастало с каждым годом. Их важность состояла не только в том, что они давали японским предпринимателям 0.3 млн руб. ежегодного дохода. Прежде всего они способствовали значительному повышению урожайности рисовых полей страны за счёт повсеместного применения тука. При этом только с 1882 по 1898 г. население Японии увеличилось на 6.5 млн человек (17.4%), что значительно обострило

²⁶ Моргул З.Ф., Мандрик А.Т. Демби и К°. Промышленники семейства Демби и рыбный промысел на русском Дальнем Востоке в конце 19 – начале 20 вв. // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 3. С. 56.

²⁷ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 795, л. 118; ф. 398, оп. 69, д. 22241, л. 130–134.

²⁸ Там же, ф. 398, оп. 69, д. 22241, л. 130–134; Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895. С. 95; Приамурские ведомости. 1903. 17 августа.

²⁹ РГИА, ф. 398, оп. 68, д. 21793, л. 10–11.

продовольственную проблему. Между тем на протяжении многих лет самоизоляции прибрежные воды страны активно эксплуатировались и были предельно истощены. Преобразования Мэйдзи положили начало интенсивному развитию рыбной промышленности Японии. В 1882 г. по инициативе правительства в Токио при Министерстве земледелия было создано «Японское общество рыболовства». К середине 1880-х гг. рыбные промыслы японцев на Сахалине занимали уже 90-вёрстную прибрежную полосу в заливе Терпения³⁰. Тогда же началось их постепенное экономическое проникновение в пределы российских территориальных вод (по материковому берегу Татарского пролива до низовьев Амура и далее по охотско-камчатскому побережью)³¹.

В феврале 1889 г. японским правительством в Хакодате была учреждена «Императорская морская промысловая компания» (Дай Ниппон Суйсан кайся)³², получившая монопольное право промысла морских котиков и бобров. Компания имела 3 судна, которые не смогли окупить вложенного капитала. К 1893 г. она оказалась на грани банкротства, однако не прекратила своего существования, получив финансовую поддержку от правительства Японии, издавшего в 1897 г. закон, поощрявший предпринимателей, занимавшихся морскими промыслами. Благодаря этому закону Кокура Мотой основал в 1898 г. на Сахалине (в заливе Анива) китобойное предприятие, которое добыло около 300 китов. Всего в 1898 г. правительственные премии получили шкиперы 8 шхун, добывшие 3,5 тыс. морских котиков³³.

К концу 1890-х гг. экспансия японских рыбопромышленников на Сахалине приобрела более широкие масштабы. Из действовавших на острове 193 рыбных промыслов, 128 официально принадлежали японцам. Из оставшихся 65 – 21 числился за подставными лицами из числа отставных русских чиновников, получивших в аренду рыболовные участки и передавших их за денежное вознаграждение для эксплуатации японским предпринимателям, которые несли все расходы по аренде, платили попудный сбор за выловленную рыбу и налог за заготовку дров. Наиболее обустроенными были участки рыбопромышленников Утияма и Варэ, где имелись капитальные постройки, сооружения, баркасы и т.п. Там постоянно находились японская администрация и рабочие. Остальные участки были оборудованы временными постройками, и их эксплуатация носила сезонный характер³⁴.

Однако крупных японских производственных объединений, занимавшихся промыслом в русских водах, в этот период ещё не существовало. Ежегодно перед началом промысла в Хакодате собирались рыбацкие шхуны со всего о. Хоккайдо и губернии Ниигата (о. Хонсю). К этому времени сюда съезжались оптовые торговцы, судовладельцы, рыбопромышленники и члены рыболовных кооперативов для заключения предварительных условий. На общем собрании они устанавливали единую цену на рыбу, промысел которой должен был вестись в предстоящую путину. При этом деньги для его ведения судовладельцы получали в долг. Затем они заключали договоры со шкиперами и вместе с ними заготавливали рыболовные снасти. На каждую шхуну, как правило, бралось 15,

³⁰ Там же, оп. 75, д. 198, л. 180 об.

³¹ Сборник консульских донесений. Вып. 2. СПб., 1900. С. 128.

³² АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, д. 819, л. 78.

³³ Вестник рыбопромышленности. 1903. № 4. С. 211.

³⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 386, л. 103.

а для лова сельди – 25 человек команды (в помощь им по прибытии на Сахалин нанимались орочи и айны). Ежегодно до 300 шхун отправлялись из Хакодате в Корсаковский порт, где японский консул на основании «Правил поведения японских рыбаков на Сахалине», изданных правительством Японии в 1886 г., определял их тоннаж и выдавал свидетельства на рыбную ловлю³⁵. Вся промысловая деятельность японцев в сахалинских водах направлялась и координировалась специальным центром – «общинным домом», находившимся в Корсакове и располагавшим своей канцелярией и штатом переводчиков³⁶.

В конце XIX в. японские предприниматели активизировали рыбную ловлю в Приморье. С 1890 г. с разрешения российских властей они начали скупку рыбы на Нижнем Амуре. В 1891 г. им был разрешён лов рыбы в заливе Босфор Восточный и в устье р. Сидеми, а с 1893 г. – в бухте Св. Ольги, Императорской гавани и заливе Де-Кастри³⁷. Продукция, главным образом в виде тука, вывозилась в Японию. В 1899 г. из 43.8 млн человек населения Японии с рыбной промышленностью были связаны 3.3 млн человек. Объём японского рыбного промысла на Сахалине за 1895–1898 гг. составил более 2.5 млн пудов, превысив российский в 2.5 раза³⁸. По сведениям И.Л. Бешты, в Николаевском районе японцы скупили в 1898 г. 71.5% из 630 тыс. пудов рыбы, заготовленной русскими предпринимателями³⁹. В стоимостном отношении к 1900 г. вывоз рыбы с тихоокеанских берегов России в Японию достиг 1 млн руб. Столь успешная промысловая деятельность объяснялась повышенным спросом, дешевизной рабочих рук, невысокой стоимостью предметов снаряжения, высоким уровнем развития морского транспорта и опытом японских рыбаков⁴⁰. С 1887 г. в Токио действовало единственное в мире высшее рыбопромышленное учебное заведение «Суйсан Косюдзё», готовившее в течение трёх лет высококвалифицированных специалистов для рыбной отрасли⁴¹. Этот институт имел 10 опытных станций, необходимое количество рыболовных судов и два парохода, научные разработки его учёных соответствовали мировым стандартам.

В декабре 1899 г. российское правительство, стремясь ограничить экспансию японцев, приняло новые правила рыболовства в водах Приамурского генерал-губернаторства. Лов рыбы иностранным подданным был запрещён, российским же рыбопромышленникам в северных округах не разрешалось нанимать японских рабочих⁴². На Сахалине, где действовали положения Петербургского трактата 1875 г., японские предприниматели должны были ежегодно получать лицензии на рыбную ловлю у военного губернатора, а российские предприниматели имели преимущественное право выбирать район лова. В качестве ответной меры в Токио в ноябре 1900 г. был принят закон, повышавший ввозные

³⁵ Там же, ф. 560, оп. 28, д. 628, л. 15–25.

³⁶ Труды императорского общества судоходства. Промысловый отдел. Ч. 1. СПб., 1900. С. 67.

³⁷ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 628, л. 30.

³⁸ Алексеев К.А. Наша торговая политика на Дальнем Востоке. СПб., 1905. С. 8.

³⁹ Бешта И.Л. О господстве иностранного капитала в рыбных промыслах российского Дальнего Востока в конце 19 – начале 20 вв. // Материалы VI научной конференции Хабаровского государственного политехнического института. Хабаровск, 1968. С. 28.

⁴⁰ Доклады Приморской окружной торговой-промышленной палаты... С 218, 221.

⁴¹ О рыбном промысле в Приморской области и на острове Сахалин. Хабаровск, 1903. С. 3.

⁴² Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н.И. Гродекова за 1898, 1899 и 1900 г. Хабаровск, 1901. С. 83, 86–88, 90–91.

пошлины на тук и рыбу до 65% их стоимости. Однако его вступление в силу было приостановлено. Одновременно японский кабинет обратился к российскому правительству с просьбой отложить на 3 года введение правил рыболовства в водах Приамурского генерал-губернаторства, и в Петербурге согласились не применять их в 1900–1901 гг.⁴³

Создание в 1892 г. отставным лейтенантом императорского флота Японии Гундзи Таданари «Общества курильских служащих» положило начало заселению японцами северных островов Курильского архипелага, отошедших к Японии по Петербургскому договору 1875 г., а также их проникновению на Камчатский полуостров. В марте 1893 г. 60 человек во главе с Гундзи на 5 шлюпках отправились из Токио, чтобы основать японские поселения на Курильских островах. На проводы отчаянных моряков, намеревавшихся грести вёслами 2.5 тыс. км, пришли тысячи сочувствовавших им жителей столицы. Большая часть участников данной экспедиции погибла во время шторма у о. Хонсю. Только 16 человек благодаря помощи двух купцов из Хакодате были доставлены через 5 месяцев для поселения на острова Шиашкотан и Шумшу⁴⁴. В 1896 г., получив от императора субсидию в 2 тыс. иен, Гундзи привёз на Шумшу 60 японских колонистов. Здесь был основан рыбацкий посёлок, большая часть населения которого занялась под руководством Гундзи незаконным ловом рыбы у юго-западного побережья Камчатки. Японские колонисты вели также браконьерские промыслы морских бобров и котиков на Командорских островах и на участке камчатского побережья в районе м. Лопатка. На время рыболовного сезона в факторию на Шумшу ежегодно прибывало более 2.5 тыс. японских рыбаков⁴⁵.

Поселение, созданное Гундзи, являлось своеобразной базой для нелегальных промыслов у камчатских берегов. Уже в 1899 г., по сведениям петропавловской администрации, вблизи русского побережья были замечены 33 хищнические шхуны японцев⁴⁶. В 1900 г. были арестованы 2 японские шхуны и 7 шлюпок, экипажи которых занимались браконьерством. В Охотском море, по сведениям Гребницкого, вело незаконный промысел рыбы более 30 японских судов. 3 японские рыболовные шхуны были арестованы судном «Сторож» в нижнем течении р. Камчатки, а в 1903 г. Канонерская лодка «Манджур» в районе Камчатки задержала 11 шхун, экипажи которых (278 человек) были доставлены во Владивосток⁴⁷. У их владельцев было конфисковано более 1 тыс. т рыбы. Но многим японским шхунам удавалось уходить безнаказанно. Браконьеры имели огнестрельное оружие, против которого туземное население российских берегов не могло ничего сделать. В 1901 г. вооруженные японцы вели незаконный лов рыбы в одной из рек, впадавших в бухту Корфа. В том же году российский караул на о. Тюлений задержал 8 японских браконьеров, имевших 6 ружей и 3 ящика патронов. В 1902 г. экипажи японских шхун силой оружия заставили русских промышленников удалиться с о. Монерон⁴⁸.

⁴³Stephan J. Op. cit. P. 77.

⁴⁴РГИА, ф. 398, оп. 75, д. 274, л. 177/5; оп. 68, д. 21793, л. 147.

⁴⁵Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчёт Н. Слюнина за 1892–1893 гг. СПб., 1895. С. 45.

⁴⁶РГИА, ф. 37, оп. 44, д. 1979, л. 273.

⁴⁷Там же, ф. 398, оп. 68, д. 21798, л. 1; оп. 69, д. 22241, л. 177/4.

⁴⁸Приамурские ведомости. 1903. № 517, 518.

Тихоокеанские воды России превращались для Японии в основной район добычи селёдного тука. Вместе с тем её население стало употреблять в пищу значительное число свежей, солёной и сушёной рыбы и других морепродуктов, занимавших в рационе японцев до 30% пищи. Количество вывезенных из России в Японию рыбопродуктов в 1901 г. достигло 2.5 млн пудов, что составляло 91% от всей ввезённой рыбы. При этом тук составлял около 1 млн пудов. В 1901 г. его ввоз достиг 1.2 млн пудов. Благодаря этому урожайность рисовых полей Японии в 1901–1903 гг. возросла по сравнению с 1897 г. на 29%⁴⁹.

Размах японских промыслов на российском Дальнем Востоке не мог не беспокоить Петербург. 29 ноября 1901 г. были утверждены новые «Временные правила для производства морского промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства», разрешавшие иностранным подданным заниматься рыбными промыслами лишь на южном побережье Сахалина от м. Терпения до м. Орокесь и в Южно-Уссурийском крае от устья р. Тумень-Ула до м. Поворотного⁵⁰. При этом приготовление ими тука допускалось лишь из сельди и рыбных отходов, а лесной материал отпускался по установленным таксам только с письменного разрешения местного полицейского управления. Эти меры вызвали бурю эмоций в японской прессе. Газета «Майнити» писала 20 февраля 1902 г.: «Мы лишаемся несколько миллионов ежегодного дохода, теряем крупные капиталы, затраченные на постройку промысловых заведений, и рискуем потерять товар столь необходимый для нас как хлеб». Правительство микадо в марте 1902 г. в спешном порядке приняло закон «О японских подданных, занимающихся рыбопромышленностью в иностранных водах». В соответствии с ним все экономические отношения японских рыбаков с российскими предпринимателями (продажа предметов промысла, покупка рыбы, наём на работу) должны были осуществляться только с разрешения и под контролем японских рыбопромышленных обществ, причём исключительно на южном побережье Сахалина⁵¹. На российские рыбные промыслы Камчатки и побережья Приморской области японские рабочие не допускались вовсе. Данный закон, принятый японским парламентом, сулил огромные убытки российским рыбопромышленникам, закупавшим промысловое имущество в Японии, и особенно самому крупному отечественному предприятию – «Семёнов, Демби и К°», использовавшему на своих участках в основном труд японских рыбаков, нанимаемых в Хакодате.

В апреле 1902 г., на следующий день после утверждения принятого закона, в Хакодате все японские предприниматели, занимавшиеся промыслом рыбы на Сахалине, были объединены во вновь созданное общество «Сахалин-то инквай суйсан кумий». Председателем его правления был избран Утияма, умный и энергичный делец, баллотировавшийся от Хоккайдо в японский парламент и активно выступавший против России. Утияма являлся одним из инициаторов закона 1900 г. о повышении ввозных пошлин на рыбу. Устав вновь созданного общества разрешал рыбную ловлю на Сахалине только его членам и запрещал им наниматься на российские предприятия. Ст. 20 устава обязывала каждого японского рыбака, работающего на российских хозяев, сообщать необходимые сведения о всех известных ему промыслах российских подданных. Одно из

⁴⁹ Подсчитано по: РГИА, ф. 398, оп. 69, д. 22241, л. 177/4–177/26.

⁵⁰ Там же, ф. 702, оп. 3, д. 309, л. 14–16, 18.

⁵¹ АВПРИ, ф. Санкт-Петербургского Главного архива, I-1, оп. 28, д. 677, л. 3–5, 7–10.

положений устава было направлено на нейтрализацию российских торгов при сдаче рыболовных участков в аренду. Оно обязывало являться на них только одного японца, кандидатуру которого определяло правление товарищества. В таком случае он мог купить право аренды участка у российских властей за его начальную стоимость. За нарушение устава и разглашение тайн правления «Сахалин-то инквай суйсан кумияй» полагался штраф в 5 тыс. иен⁵².

Отделения данного японского предприятия были созданы в трёх пунктах сахалинского побережья – Корсакове, Маукэ, Сискэ. Их главной задачей было наблюдение за исполнением изданного в Японии закона. По указанию правительства Утияма лично явился в офис «Демби и К°» в Хакодате и объявил, что все японские служащие и рабочие этой фирмы обязаны вступить в члены «Сахалин-то инквай суйсан кумияй», а в случае отказа им впредь будет запрещено отправляться на сахалинские промыслы местными властями⁵³. В качестве ответных мер в июне 1902 г. в Петербурге был издан закон об аресте до 3-х месяцев и конфискации орудий лова лиц, без разрешения промышлявших у берегов Приамурского генерал-губернаторства. Был также подготовлен проект закона, запрещавшего использование японских рабочих на дальневосточных морских промыслах. Однако в Токио решили пойти на компромисс и предложили отложить на 1 год применение принятых обеими странами законов. Россия приняла данное предложение⁵⁴. В 1903 г. из бюджета Министерства земледелия и торговли Японии на поощрение морских и рыбных промыслов было отпущено 157 436 иен⁵⁵.

Потеря Россией южного Сахалина в результате Русско-японской войны положила конец её промыслам в этой части острова. В то же время правительство Японии создало специальное управление и приняло меры по организации и регулированию эксплуатации рыбных богатств данного района⁵⁶.

В каждом отдельном промысловом районе дальневосточного побережья России японские предприниматели находили специфические методы осуществления экспансии и присвоения российских морских ресурсов. Там, где существовала более или менее налаженная система государственной власти – на Сахалине и в устье Амура, японцы демонстрировали лояльность русским законам и пытались договариваться с местными чиновниками. В северных районах их промыслы носили характер открытого грабежа и вооружённого разбоя. Со временем ситуация только усугублялась. Инициативы нескольких сотен браконьеров, самовольно действовавших в конце XIX в., стали в дальнейшем основой последовательной политики, проводившейся правительством Японии при широкой поддержке милитаристских кругов. После окончания Русско-японской войны в рыбную промышленность вкладывали средства наиболее крупные финансовые монополии, заинтересованные в быстром получении высокой прибыли. Состоятельные представители японского рыбопромышленного бизнеса создали в начале XX в. влиятельные корпорации, которые могли оказывать решающее воздействие на внешнюю политику государства. Российские же предприятия после подписания рыболовной конвенции 1907 г. уже практически не могли конкурировать с японцами.

⁵² Там же, л. 11–14.

⁵³ Там же, л. 13, 18, 24.

⁵⁴ Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 86.

⁵⁵ РГА ВМФ, ф. 1189, оп. 1, д. 3, л. 4.

⁵⁶ Русское судоходство. 1906. № 2. С. 136.